

Война. Нориэль никогда не видел войн, но знал, чувствовал, что ничего хорошего в них нет и близко. Мальчишка видел, в какую гнетущую атмосферу погрузилось племя; умом понимал, что война означает прямое столкновение двух враждующих племён, а значит...

Много смертей.

Скорее всего, очень много.

Возможно, если проигравшее племя не сдастся, не попытается переселиться и будет идти до конца, отказываясь принимать нового вождя, безумно много.

Будучи перерождённым духом природы, Нориэль понимал и принимал смерть, считая её столь же естественным процессом, как и рождение. Он знал, что смерть — это не конец, и что она не настолько ужасна, как думают несведущие люди. Однако смерть в первую очередь, по мнению Нориэля, не так страшна для того, кто умирает, но никак не для того, кто продолжает жить.

Тот, кто продолжает жить, будет осознавать, что он больше никогда не увидит дорогого и близкого человека, и эта судьба может быть намного более ужасной, чем смерть.

Встретиться с Маликом подростку получилось не сразу. Варвара сразу взяли в оборот верха племени, узнавая все подробности. Всё племя буквально поднялось на уши, и на одного длинноухого флейтиста просто не хватало времени. Впрочем, имевший слегка иное восприятие времени молодой эльф и не пытался как-то торопить события, просто став терпеливо ждать друга вдали от суеты племени на одном из деревьев.

Флейта всегда была у него на поясе, так что развлечь он мог себя далеко не только рассматриванием приходящей и уходящей луны, да и одному варвару по звуку проще будет его найти.

Обычно мальчишка, в какой бы ситуации ни был, играл исключительно весёлые, живые, быстрые мелодии. Но этот раз был исключением. Парень заиграл протяжную, ленивую, давящую на нервы мелодию. Такую же чистую и прекрасную, однако не менее гнетущую и пугающую.

Нориэль уже не был совсем наивным. Подросток рос, впитывал нормы и опыт людей, и пусть этот процесс у него был довольно медленным, совсем «отсталым» Нориэля нельзя было назвать. Он знал, что Малик придёт к нему сам. Найдёт момент, вырвется из бурного потока жизни.

И, как ни странно, он вырвался.

Ближе к рассвету Нориэль, смотря на поднимающееся солнце, прекратил игру.

— Как всегда идеально, ушастый. Сколько бы не слушал — твоя игра не может надоесть.

Удивительно весёлый и бодрый голос Малика никак не соответствовал ситуации. Он, зная про войну намного больше, чем Нориэль, выглядел так, будто его пригласили на какой-то весёлый праздник с интересными конкурсами и вкусными закусками.

Подросток опустил голову на хитро улыбающегося друга, вздохнув.

— Эта война... она обязательна, Малик? Вы ведь могли просто дого...

— Не могли, — перебил со всё той же улыбкой на лице варвар Нориэля, слегка прищурившись.
— Эта война нужна. Некоторые вопросы словами не решить. Они, хех, сами выбрали подобную участь, решив пролить кровь.

Мальчишка ответил не сразу. Иногда он хотел узнать про прошлое Малика чуть больше и спрашивал у жителей племени о том, как он себя вёл, какими были его родители, но...

Варвар никогда не был похож на себе подобных. Он был безумно одарённым, и прекрасно знал об этом. Наслаждался самим фактом своей уникальности и исключительности. Когда же он получил за наглость по лбу, Малик...

Нет. Не озлобился. Пошёл исследовать регион и развиваться в лесу, становясь ещё лучше и терпеливее.

— Это тоже часть человеческой природы?

Малик засмеялся. Громко, раскатисто. Казалось, он от незамысловатого вопроса чуть не впал в истерику. Нориэль молча наблюдал за своим другом.

Наконец, когда парень отсмеялся, он, как ни странно, задумался над вопросом.

— Войны между людьми идут от самых древних времён, ушастый. В разной форме и в разном виде. Чтобы выжить, мы следуем единственной воле природы: сильный пожирает слабого. Так было всегда.

— Ты прав, но вы извратили эту волю, — не меняясь в лице, тихо ответил Нориэль. — Природа многогранна, Малик. В ней существует много исключений. Твои знания ограничены.

— С того дня, как ты сказал это мне впервые, мало что изменилось, да? — хохотнул парень. — Такое чувство, будто с первой нашей встречи для тебя не прошло и нескольких столь горячо любимых тобой рассветов, Нориэль. Может ли быть так, что мой женоподобный друг намного старше, чем выглядит?

Было бы странно, не заметить Малик между ними разницу. В конце концов, он общался с молодым эльфом заметно дольше остальных, и мозгов у него уж точно хватало, чтобы заметить очевидное отсутствие каких-либо изменений во внешности.

— В этом есть какая-то проблема, Малик?

— Нет, что ты, — хмыкнув, оскалился варвар. — Я сам не спрашивал. Уверен, спроси я, и ты сразу бы ответил. В конце концов, ты никогда не врал мне и не пытался недоговаривать. Глупо тебя обвинять в чём-то. Ты не думал над тем, мой длинноухий друг, что мир безумно несправедлив?

Ухо Нориэля дёрнулось. Он перевёл взгляд на восходящее солнце.

— В последнее время я слишком часто над этим задумываюсь.

— Как и я, — пожал плечами варвар. — Правда, признаюсь, я уже не уверен, про какие рамки времени ты говоришь, ушастый.

Ребята немного помолчали. Малик, над чем-то задумавшись, вновь заговорил. Заговорил с единственным существом, что хотя бы немного понимало его, несмотря на все отличия:

— Знаешь, что самое смешное? Мы, особенные, те, кого выделил мир, думаем над этим чаще, чем те, кто с рождения обречён на жалкое безвольное существование. И вот что получается: глупец никогда не задумывается над тем, что он глупец. В этом главная красота этого ужасного мира, Нориэль.

Последнее предложение удивило Нориэля. Он вновь опустил взгляд на своего друга, в глазах которого пылало такое пламя, что, как бы Малик не пытался, скрыть его не получалось при всём желании. Скорее, Нориэль мог бы сказать, что Малик в какой-то момент просто сдался и решил полностью погрузиться в это пламя, окончательно приняв внутреннего себя. Молодой эльф кожей чувствовал всю ту мощь, что скрывалась в теле варвара.

И она росла. Его внутренний источник пылал и толкал своего владельца всё дальше и дальше. Ещё больше перемен, ещё больше величия.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе в этой войне.

Нориэль не спрашивал, а констатировал.

— Не мне, — с улыбкой покачал головой Малик. — Всему племени и всем западным землям. Иначе, боюсь, жертв будет намного больше. В твоих силах помочь. В обмен же ты...

— Обойдёмся без сделок. Я помню твоё обещание, и мне этого достаточно, — слабо улыбнулся мальчишка. — Мы ведь друзья. Ты можешь просто попросить, Малик.

Варвар, застыв, громко, довольно рассмеялся.

Мимоходом мальчишка отметил, что у его друга стало ещё больше татуировок.

— Завтра мы отправляемся, Нориэль, — отсмеявшись, стал заметно серьезнее Малик. — Давно мы полноценно не охотились вместе, а?

Нориэль не ответил, лишь неопределённо кивнул.

«Совсем недавно».

Подросток знал, что ему предстояло узреть что-то ужасное.

Ход времени, вопреки происходящему, продолжал потихоньку ускоряться.

Первая стычка между племенами не заставила себя ждать. За первой практически сразу же пошла вторая. Для Нориэля происходящее превратилось в поток быстро меняющихся кадров, он всё слабее чувствовал землю под ногами, ощущая, что всё ближе стоит на краю в пропасть. Впервые мальчишка увидел поле битвы, и оно навечно отпечаталось в его сознании.

Десятки человек, такие похожие, практически ничем не отличающиеся, вцепляются друг в друга зубами, стреляют друг в друга луками, пронзают тела копьями и рубят друг друга топорами. Нориэль участвовал во всём очень поверхностно, цель мальчишки была лишь в поддержке и координации.

Но это совсем не спасло его нюх от едкого запаха крови и металла, не спасло его чуткие уши от звука дробящихся костей и криков агонии поверженных, не спасло его зрение от лицемерия проявления тёмной стороны человеческой сущности.

И если Нориэль терял землю под ногами, то его друг был совсем другим. Малик словно оказался в своей стихии. Его безумный смех разносился по всему полю боя, его сила была столь подавляющей, что он сам воплощал собой армию и просто сносил всех тех глупцов, что пытались пойти против него, уничтожая любую волю к сопротивлению.

У вражеского племени были свои боеспособные чудотворцы. Двое. В их власти был настоящий огонь. Нориэль впервые увидел людей с рыжим оттенком волос, которые могли дать какое-то сопротивление варвару, покрывая себя будто живым пламенем, однако...

Игра на флейте Нориэля разносилась по всему полю битвы, не предвещая врагам ничего хорошего.

Племя Слушающих Духов было обречено на победу, пусть оно и было с каждым днём всё меньше похожим на себя. Нынешний вождь племени имел всё меньше влияния, всё чаще стало звучать имя Малика. Всё же, стоило понимать, что общество, в которое попал молодой эльф, было диким. В первую очередь оно ценило личную силу, и лишь потом — всё остальное.

Малик же своими победами её воплощал, закрепляя общий боевых дух сладкими речами, которые сопровождалась игрой наблюдавшего за всем из первых рядов Нориэля.

Но это было лишь начало.

Совсем не удивительно, что первое вражеское племя пало. Под влияние одного конкретного варвара попал давний сосед, в котором он быстро начал наводить свои порядки. С подавляющей силой Малика, чужое племя было взято под контроль всего за неделю. Несмотря на то, что слухи разносились довольно медленно, это не помешало ближайшим племенам в рекордные сроки узнать, что шаткий баланс был нарушен.

И Малик уж точно не собирался давать балансу восстановиться. Нориэль стал понимать, что варвар спланировал всё намного дальше, чем могло показаться на первый взгляд.

Поток времени стал для молодого эльфа течь ещё быстрее, он всё меньше замечал, как мимо него проносился рассвет за рассветом.

Огонь войны и не думал затухать, распаляясь всё сильнее.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3230774>